

Янь Хэцин не удивился, что Лу Мучи пришёл.

Он и не собирался от него прятаться.

Светло-карие зрачки в слабом свете тусклой лампы отражали глубокую тень.

Пакет в руке тихо шуршал, когда пластиковые стенки соприкасались.

Затем Янь Хэцин поднял взгляд.

Через десяток ступеней он спокойно встретил взгляд Лу Мучи и невозмутимо спросил: “Ты нашёл моего младшего брата?”

Лу Мучи не ожидал, что первое, что он услышит, будет этот вопрос.

Он затаился в последний раз и выдохнул: “Это обязательно?”

“Обязательно”.

“Ты кто вообще такой?” — Лу Мучи щёлкнул окурком, бросил его на пол и со злостью растёр носком ботинка: “Думаешь, у тебя есть хоть малейшее право со мной о чём-то договариваться? Захочу — прямо сейчас тебя утащу и закрою где-нибудь. И никто не посмеет вмешаться”.

Он холодно усмехнулся:

“И никто за тебя не вступится. Для твоих приёмных родителей ты даже не собака”.

Янь Хэцин оставался абсолютно невозмутим. Оскорбления Лу Мучи — всё это уже было в оригинале.

В оригинальной истории, в ту же ночь после подписания контракта, Лу Мучи увёз его в загородную виллу.

Лу Мучи сидел, развалившись на диване, лениво курил. Слова, вылетавшие из его тонких губ, были холоднее зимнего мороза.

“Раздевайся”.

Входная дверь виллы оставалась открытой, снаружи слышались разговоры телохранителей и прислуги.

Лицо Янь Хэциня было мертвенно-бледным. Он изо всех сил сдерживал дрожь и отчаяние, цепляясь за последние остатки достоинства: “Поменяй место”.

Лу Мучи чуть приподнял бровь, нарочито растянув слова: “Ты мне условия ставишь?”

Он усмехнулся: “Ты вообще кто такой?”

Он резко стряхнул сигарету и, поднявшись, с грубой решимостью пошёл к Янь Хэциню, не колеблясь ни секунды, начал рвать на нём одежду.

Открытая дверь. Смущённо отворачивающаяся прислуга.

“Заплакал?” — Лу Мучи подцепил его лицо пальцем, холодный и жестокий, шаг за шагом растаптывая остатки гордости Янь Хэциня: “Что ты прикидываешься невинным? Ты — всего лишь дорогая покупка. Привыкнешь, распробуешь, потом сам будешь ползать и умолять, чтобы тебя грахнули”.

На следующее утро Лу Мучи бросил на его изломанное, измождённое тело лист бумаги.

“Это справка об отчислении. С сегодняшнего дня сиди здесь и не смей никуда выходить”.

*

Глаза Янь Хэциня оставались спокойными, безмятежными.

Лу Мучи так и не увидел на его лице тех эмоций, которых ждал: стыда, боли, отчаяния... Ничего.

В груди Лу Мучи закипала злость.

Янь Хэцин... он его не боится? Или просто презирает?

Любой из этих вариантов выводил Лу Мучи из себя.

“Ты...”

Янь Хэцин в тот же момент заговорил: “Похоже, ты его так и не нашёл. Тогда прошу тебя уйти. Пока ты не найдёшь моего брата нам не о чем говорить”.

Лу Мучи пришёл в ярость. Этот человек, похоже, до сих пор не понял, в каком он положении.

“Ты...”

Мяу.

Кошачий крик прервал его.

Янь Хэцин резко обернулся.

Глаза Лу Мучи чуть сузились, он понял: тот лишь тянул время, собираясь сбежать. Вдруг стало легче, он резко рванул вниз: “А, значит, ты собрался сбеж...”

Слова оборвались.

Лу Мучи остановился на ступенях, выше площадки, где стоял Янь Хэцин, и с изумлением уставился на поворот лестницы.

Датчик движения погас, и тусклый свет уличного фонаря пробился сквозь ажурное лестничное окно, уронив россыпь пятнышек на лицо юноши. Это было то тепло, которое он никогда раньше не ощущал.

Янь Хэцин не сбежал. Он тихо присел на корточки. У его ног — две тощие дикие кошки.

Он осторожно достал из пакета половину очищенной рыбы и на ладони предложил им еду.

Кошки, должно быть, долго не ели, они жадно накинулись на корм.

У Лу Мучи что-то дрогнуло в груди.

Линь Фэнчжи тоже любил кошек. У него было три и все как сокровища.

Это и есть родственная связь?

Взгляд Лу Мучи постепенно становился сложнее. Он холодно напомнил Янь Хэциню: “В сырой рыбе без санитарной обработки паразиты. Ты вообще умеешь ухаживать за кошками?”

Янь Хэцин даже не поднял голову, всё внимание было на том, чтобы дождаться, пока дикие кошки поедят.

“Главное, чтобы выжили”.

Лу Мучи нахмурился: “Что ты...”

Краем глаза он заметил грязную стену, ободранную почти до основания, в пятнах и трещинах, облепленную мелкими объявлениями.

Эта обстановка была ещё хуже, чем в доме семьи Янь.

Разруха, старость, бедность.

Впервые Лу Мучи ясно осознал: Янь Хэцин очень беден.

Он не может позволить себе импортные паштеты, кошачье молоко с авиадоставкой, стерильное мясо. Эта половина рыбы — всё, что он мог предложить.

Янь Хэцин и сам ничем не отличался от этих двух диких котят: если есть что поесть и можно выжить — этого достаточно. Есть бактерии или нет — неважно.

Лу Мучи молча стоял.

Он снова посмотрел на Янь Хэциня. Тот сегодня был чуть теплее одет, чем в прошлый раз, но всё равно одежда висела мешком на его теле.

Мужчина с ростом под метр восемьдесят, настолько худой, что обычные бренды не шьют на такой размер. Только индивидуальный пошив.

У Линь Фэнчжи вся одежда была на заказ, у него чувствительная, нежная кожа, требующая самого мягкого материала.

Свет снова включился. Лу Мучи увидел руки Янь Хэциня: ярко-красные, до прозрачности.

Это была не кровь от рыбы.

Это были руки, покрасневшие от холода.

Лу Мучи внезапно испытал трудно описуемое чувство.

Впервые за долгое время он вспомнил ту женщину.

Такой же зимний день, женщина слепила для него большого снеговика. Её руки покраснели от холода, но она всё равно с восторгом забежала в дом, чтобы позвать его.

Когда они вышли во двор, слуга как раз поливал снеговика кипятком из чайника.

Дед, опираясь на трость, стоял без всякого выражения на лице: “Старшему внуку семьи Лу не нужны дешёвые подарки”.

Женщина растерянно стояла на месте, испуганная, обиженная.

Он до сих пор ясно помнил: та женщина была так же бедна, как и Янь Хэцин.

Иногда она вспоминала детство, настолько нищенское, что есть было нечего. Как-то ночью её мучил голод и она пошла на чужое поле воровать батат. Но не успела начать, как её учуяла собака, погналась за ней и больно укусила.

Лу Мучи видел тот шрам на мизинце её левой руки. Даже когда у неё появились деньги, след так и не исчез.

Поэтому ей не разрешалось появляться на публике.

Этот шрам был клеймом бедности.

Сейчас перед ним Янь Хэцин и его образ всё больше сливался с образом той женщины.

Лу Мучи пришёл в ярость, злость охватила его с небывалой силой. Он зло процедил:

“Ни гроша за душой, а туда же, строишь из себя святого! Я даю тебе ещё один шанс — пять миллионов в год! Такие деньги ты за всю жизнь не заработаешь!”

Но Янь Хэцин остался невозмутим. Холодным тоном ответил: “Деньги я заработаю сам. У меня одно условие: найди моего младшего брата”.

Скрежет костей, Лу Мучи так сжал кулаки, что пальцы захрустели.

Он мог прямо сейчас утащить Янь Хэцин в любой отель или в его съёмную комнатку меньше двадцати квадратов и просто взять его силой.

Это ведь была единственная причина, по которой он сегодня сюда пришёл.

Но в этот момент он словно лишился сил поднять ногу.

В подъезде стояла полнейшая тишина, слышно было только, как маленький бездомный котёнок

ест.

Лу Мучи долго молчал, потом вдруг полез в карман и вытащил старенький кнопочный телефон.

Это был телефон Янь Хэцина.

Он спустился по лестнице и бросил трубку в капюшон его куртки.

“Бери трубку, когда я звоню. И не думай сбежать, я найду тебя где угодно”.

Он ушёл.

Через некоторое время его шаги стихли, он вышел из подъезда.

Датчики освещения один за другим погасли. Котёнок доел рыбу, запрыгнул на подоконник и юркнул в щель.

А другой всё ещё лизал ладонь Янь Хэцина, на которой остались крошки от рыбы.

Мягкий язычок с шершавыми шипами, ощущение от облизывания было далеко не приятным, но Янь Хэцин всё же терпеливо дождался, пока котёнок закончит и уйдёт, только тогда взял пакеты с продуктами и пошёл домой.

Вернувшись, он включил свет, переобулся в тапочки и первым делом направился на кухню.

Тёплая вода обдавала пальцы.

Он прокручивал в голове выражение лица Лу Мучи и понял: приманка, которую он забросил, сработала.

Кормить бездомных кошек — такая доброта была по силам только Линь Фэнчжи. В прежние времена Янь Хэцин сам нередко голодал по три дня, лишь изредка наедаясь досыта. У него просто не оставалось сил на сочувствие к другим.

В первую же ночь после переезда он заметил, что в этом районе много бездомных кошек.

И стал каждый вечер их подкармливать.

Он заворачивал еду в пластиковые пакеты, и, когда кидал еду, пакеты шуршали. Постепенно кошки привыкли к звуку — услышав шорох, они сами выбегали к нему.

Сегодня пришло меньше котов, но и двух было достаточно.

Янь Хэцин вымыл руки. Раковина уже наполнилась водой наполовину. Он достал из капюшона старенький кнопочный телефон.

А затем...

Бульк.

Телефон медленно погрузился на дно.

Янь Хэцин повернулся, взял веник и совок, снова вышел из квартиры и начисто убрал окурки у порога, не оставив ни пылинки, ни пепла.

*

Внизу Лу Мучи опустил окно и посмотрел на тёмную, а затем осветившуюся комнатку. В его тёмных глазах мелькнула странная, неясная эмоция.

Он приказал водителю:

“Поехали”.

Водитель осторожно переспросил: “Куда?”

“В родовое поместье”.

Обычно Лу Мучи туда не возвращался, разве что на праздники.

Ночь была глубокой и тихой. Охранник поднял шлагбаум и машина въехала на частную улицу, обсаженную с обеих сторон платанами. В самом конце и находилось родовое имение семьи Лу.

Обособленный в стиле ретро из прошлого века, сдержанный и скромный снаружи. В гостиной всё ещё горел свет.

Лу Мучи переобулся в прихожей и вошёл в дом, слегка удивлённый, за полночь... кто же ещё не спит?

“Дядя?” — Увидев мужчину у барной стойки, Лу Мучи был ещё больше удивлён.

Лу Линь слегка опустил голову, его пальцы, точёные словно из нефрита, сжимали бутылку Кампари.

На стойке аккуратно стояли классические бокалы.

“Так поздно?” — Лу Линь не поднял головы и налил себе выпить.

“Были кое-какие дела”, — неуверенно ответил Лу Мучи, подойдя ближе: “Сегодня у тебя такое настроение?”

Лу Линь редко пил, тем более готовил себе сам.

Он вспоминал вкус того напитка в ту ночь — это был идеально подходящий ему Негрони.

Он любил горечь.

Добавил ещё немного Кампари, попробовал снова — всё ещё не то.

Он поставил бокал, повернулся к бару: “Иди спать, уже поздно”.

У Лу Мучи не было ни малейшего желания лечь. Он не сводил взгляда с Лу Линя, кадык дёрнулся несколько раз, прежде чем он с трудом заговорил: “Дядя, насчёт неё...”

С учётом влияния семьи Лу, если не удаётся найти следы какой-то женщины, значит, дело не только в том, что дед мешает. Но и в том, что она сама избегает, не хочет возвращаться и даже не стремится его увидеть.

Волна обиды от того, что его бросили, накатила. Лу Мучи с трудом сменил тему: “Можно убрать телохранителей? У меня совсем нет личного пространства”.

Лу Линь вернулся с бутылкой джина “Рейган №6”, его челюсть с холодной, резкой линией не выражала ни капли тепла: “Это по распоряжению твоего деда”.

Голос Лу Мучи был тихим: “Я знаю, но...” — сейчас всей семьёй фактически управлял Лу Линь.

Стоит ему сказать слово — дед обязательно согласится.

“Обязанность телохранителей — защищать нанимателя”, — Лу Линь плеснул в бокал немного джина “Рейган №6”: “Они не вмешиваются в частную жизнь”.

Иными словами, телохранители не будут докладывать о личной жизни Лу Мучи.

Губы Лу Мучи несколько раз дрогнули, но в итоге он так и не осмелился сказать больше: “Я пойду спать. Дядя, тебе тоже стоит пораньше отдохнуть”.

Лу Линь сдержанно отозвался: “Спокойной ночи”.

“Спокойной ночи, дядя”.

Лу Мучи поднялся наверх.

Остался только Лу Линь. Он тщательно рассчитывал пропорции, аккуратно перемешал и вновь приготовил Негрони.

Поднёс бокал к губам, сделал глоток, вкус горечи был близок, но всё же чего-то не хватало.

Лу Линь вылил напиток, снова достал из морозилки классический бокал и продолжил экспериментировать.

Время текло под негромкий звук помешивания. В предрассветных сумерках Лу Линь попробовал очередную версию Негрони.

Насыщенная, многослойная горечь в точности как та, в ту ночь.

Чёрные глаза чуть блеснули.

Молодой бармен тогда добавил в рецепт две капли оливкового сока.

<http://bllate.org/book/15726/1407422>